

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

**«ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «STALKER»**

- Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. ОСОЗНАНИЕ»
Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. АНТИЗОНА»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЯДЕРНЫЕ АНГЕЛЫ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. ТРОПАМИ МУТАНТОВ»
Андрей Левицкий, Виктор Ночкин. «Я — СТАЛКЕР. СЛЕПАЯ УДАЧА»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЯРОСТЬ ОТЦОВ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. ТРОЕ ПРОТИВ ЗОНЫ»
Виктор Глумов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. МЫШЕЛОВКА»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. НОВЫЙ ВЫБОР ОРУЖИЯ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. РОЖДЕНИЕ ЗОНЫ»
Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. КВЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. САГА СМЕРТИ. ПЕТЛЯ АНТИМИРА»
Андрей Левицкий, Сергей Коротков. «Я — СТАЛКЕР. ЗОВ АРМАДЫ»
Юрий Уленгов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ХАКЕР»
Дмитрий Заваров. «ДОРОГИ ЗОНЫ. ГЕРОИ ПОНЕВОЛЕ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. САГА СМЕРТИ. СЕТЬ АНТИМИРА»
Сергей Коротков, Владимир Андрейченко. «СТРАЖИ АРМАДЫ. АКСИОМА ВЫЖИВАНИЯ»
Роман Приходько. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПРЫЖОК ЗА ГРАНЬ»
Дмитрий Луценко. «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ДОРОЖЕ ЖИЗНИ»
Юрий Уленгов, Наиль Выборнов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. НОВЫЙ РАССВЕТ»
Дмитрий Субботин. «БРОДЯГИ. ОТМЕЧЕННЫЕ ЗОНОЙ»
Дмитрий Заваров. «ДОРОГИ ЗОНЫ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»
Дмитрий Луценко. «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ПОРОГ НЕБЫТИЯ»
Владимир Андрейченко. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПРЕДЕЛ ВЕЗЕНИЯ»
Андрей Амелянович. «ЗОНА НАВСЕГДА. ГЛАДИАТОРЫ ПОНЕВОЛЕ»
Сергей Коротков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ТРОПОЮ ИЗБРАННЫХ»
Иван Плотников. «Я — СТАЛКЕР. ОСКОЛКИ НАДЕЖД»
Дмитрий Лазарев. «ВИРУС ЗОНЫ. КОЧЕВНИЦА»
Александр Тихонов. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ОХОТА НА ЗВЕРЯ»
Андрей Буторин. «УПАВШИЕ В ЗОНУ. В ПОИСКАХ ВЫХОДА»
Юрий Уленгов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ВРЕМЯ СНЯТЬ МАСКИ»
Дмитрий Луценко. «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ТОРЖЕСТВО ЗОНЫ»
Вадим Михейкин. «ВИРУС ЗОНЫ. ОБРАТНАЯ РЕАКЦИЯ»
Виктор Глумов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. ГЛАЗАМИ ЗОНЫ»
Дмитрий Лазарев. «ВИРУС ЗОНЫ. ОХОТА НА СТРЕЛЬЦА»
Сергей Коротков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПО ТУ СТОРОНУ ВОСХОДА»
Александр Тихонов. «Я — СТАЛКЕР. СИНДРОМ ГЕРОЯ»
Андрей Левицкий. «ДВА СТАЛКЕРА. ЧЕРНЫЙ СУДЬЯ»
Виктор Стрелков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. РЕЗУС-ФАКТОР»
Дмитрий Григоренко. «Я ИЗ ЗОНЫ. НЕБО БЕЗ НАС»
Дмитрий Дашко. «ЗОНА ИКС. ЧЕРНЫЙ ПРИЗРАК»
Александр Пономарев. «ЛИКВИДАТОР. ТЕНИ ПРОШЛОГО»
Наиль Выборнов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ЧЕРНАЯ КРОВЬ»
Тим Волков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ТОЧКА ОПОРЫ»
Дмитрий Григоренко. «Я ИЗ ЗОНЫ. СЕГОДНЯ НИКТО НЕ УМРЕТ»

STALKER

Дмитрий Григоренко

[Я ИЗ ЗОНЫ]
СЕГОДНЯ НИКТО НЕ УМРЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г83

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «STALKER» основана в 2013 году

Оформление обложки — *В. Половец*

Художник — *А. Руденко*

Григоренко, Дмитрий Владимирович.
Г83 Я из Зоны. Сегодня никто не умрет : [фантастический
роман] / Дмитрий Григоренко. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 320 с. — (STALKER).

ISBN 978-5-17-107402-9

Над Кузьмой Новиковым нависла угроза — сесть в тюрьму. Но даже попытка укрыться в Зоне не спасает его от этой беды. Все меркнет перед новой опасностью. Все — и наемники, и бандиты — брошены на поиски дерзкого солдата. Вот только они еще не знают, что Кузьма уже стоит за их спинами...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107402-9

© Д. Григоренко, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

Закон

1

Ты получишь десяточку. Десять лет в тюрьме, с зэками и прожжёнными уголовниками. Знаешь, что они с тобой сделают?

Сказав это, полковник Махлюков нервно захихикал. Так же мерзко смеялась алкоголичка с отекившим лицом на автовокзале. Да и угрозы были похожие: если не дашь на опохмелку, то ждут беды и неприятности. Полковник требовал от меня признания по всем статьям.

Я не знал, какая разница между зэками и уголовниками, поэтому промолчал. Мне хватило своего урки. Я вспомнил Чеса в последние минуты его жизни. Видимо, на моем лице отразились какие-то эмоции. Махлюков, который проводил расследование, почуял во мне слабину и решил, что его угрозы начали действовать, — а раз так, то надо их усилить.

— Ты, Кузьма, в душе будешь бояться мыться. А если мыло упадет... — Он снова захихикал.

Я кашлянул, прочищая горло. Все же сидели мы здесь не первый час, и оно пересохло, как земля на солнцепеке. Полковник, стоящий передо мной в начищенных туфлях, сел на край стола. Допросы проходили в комнате с покрашенными зеленой краской стенами и минимальным количеством мебели: стол, два стула, привинченные к полу. К мебели можно было отнести и меня — безмолвного, не реагирующего на подначки нашего начальника воспитательного отдела. А что? Табурет сержант Кузьма Нови-

ков по кличке... Без нее. Старую я оставил в полях Зоны, вместе с покойниками. Новой так и не обзавелся. «Эх, на настоящей зоне влепят», — мрачно подумалось мне.

Я посмотрел внимательно на ворот наглаженной военной рубашки полковника, гладко отполированные дорогой бритвой щеки.

— Товарищ младший сержант.

Голос мой не сорвался, фразу я произнес четко.

— Что? — недоуменно спросил Махлюков.

— Товарищ полковник, согласно уставу вы обязаны обращаться ко мне по званию или фамилии, — строго сказал я.

Махлюков вскочил со стола, замер на секунду. Я смотрел прямо перед собой: впереди кирпичная стена, за ней — наша военная часть. Весна насыщала воздух приятной свежестью, зелень робко пробивалась, и мир оживал от зимней спячки. Правда, не весь.

Мрачная хозяйка не изменяла себе, и темные тучи из Зоны накатом обрушивались на часть. Словно морские волны холодного океана.

«Что ж за напасть такая, из Зоны выбрался и теперь попаду в тюрьму. Как проклятье от Чеса — убил урку, значит, сам полезай на нары».

Махлюков меня не ударил. Жаль. Он судорожно растегнул китель, засунул руки в карманы брюк и начал кружить вокруг меня. «Цербер одноголовый. Хотя нет, тот на цепи сидел, вход охранял. Черный ворон, что ж ты вьешься...»

— Крутой? Да?! Ничего, ты у меня не первый. — Он резко остановился, закрыв собой стену, и ударил кулаком по столу. — Думаешь, я не найду на тебя управу? Сопля малолетняя! Да я, честный офицер, таких тварей под корень извожу и изводить буду!

От удара стол затрясся, как холодец на празднике. Видимо, по замыслу полковника, такой резкий переход от

спокойной беседы к битью мебели должен был вызвать у меня панику.

Нет, я, конечно, не железный человек, хотя уже и не бумажный. Шестидневный поход по Зоне меня изменил. Даже не так — я начал меняться. Такие обстоятельства: надо было или поменять мир, или себя. Я выбрал второй вариант. Поход, который начинался как стандартная са-моволка: сходить в Зону, прошвырнуться до деревни или даже к бару, выпить со сталкерами, принести назад арте-факт, а может, и байку повеселее.

Принес: солдатика, который пропал несколько недель тому назад, гематомы по всему телу и уверенность в своих силах — я смог выжить там, где многие упали бы и уже не встали.

Моей заслуги в этом мало. Спасибо сталкеру Трофи-мычу, который научил меня основным законам поведения на запретной территории и остался прикрывать от стаи собак.

Да и троица бандитов с помощью ударов, ругани и угроз очень сильно изменила мой взгляд на мир. За такое спасибо сказать — это, пожалуй, много было бы, но и проклинать я их не собирался. Отмычка по прозвищу Пробирка остался в радиоактивных топях Топи. А из них в часть вернулся...

— Товарищ младший сержант, — спокойно повто-рил я.

«Помню, Трофимыч, помню! Надо говорить спокой-ным тоном, это раздражает собеседника. Выводят мои от-веты Махлюкова из себя, и он нервничает».

— Хорошо, Новиков, хорошо. Поверь, я тебя не буду трогать.

Он наклонился, достал из портфеля несколько листов бумаги, ручку. Положил предо мной белый лист. Смеш-но. Помню, в то утро, когда начмед пнул меня в Зону, я наткнулся на полковника. Как он тогда сказал? «При-

несешь свой листик, а то на вас, дармоедов, не напа-сешься?»

Теперь он сам мне носит бесценные листики — только бы я написал то, что ему хочется, а не правдивое изложе-ние событий. Как все меняется в зависимости от нужды человека.

Руки затекли, и наручники стали казаться неподъём-ными гириями. Еще и кожу натирали чуть ли не до кости.

— Захочешь написать чистосердечное — скажешь, — в который раз за несколько дней произнес полковник эту фразу. — А вот этот сюрприз передали из госпиталя.

Он достал документ в файле, помахал им перед моим носом.

— Это тебе подарочек от сержанта Антона Деревян-ского.

Он специально сделал акцент на звании и фамилии. «Ну да, я — мразь без имени, а Крыса — солдат нашей части», — злобно подумал я. Махлюков помолчал, не дождался от меня никакой реакции, с грохотом отодвинул стул, уселся читать вслух:

— «Я такой-то, по прозвищу Крыса, попал в Зону двадцать четвертого февраля. При патрулировании в результате внезапного ухудшения погоды я отклонился от заданного маршрута и попал в засаду. Подло напавшие бандиты завладели моим оружием и заставили провести их через Границу на Топи».

Декламировал полковник хорошо, с выражением. Если бы он так же излагал стихи Маяковского на экзамене в те-атральное училище, то однозначно поступил бы.

— Так, буду тезисно читать. — Махлюков наклонился чуть вперед. — Ты хоть знаешь, что такое тезисно?

Я молчал. Наивный, при первом допросе, или опро-се, я честно изложил события последних недель. Ну, как честно — ограниченную версию. Так сказать, пробничек. Лучше бы я заштопал рот суровой ниткой.

— Главное и вкратце, — пояснил полковник. «Большоголовый. Вот как его можно охарактеризовать, — подумал я. — И точно, в уме ему не откажешь. Прожжённая такая сволочь. Нет, он даже умнее торговца Дельного». Я с горечью понимал: манипулировать полковником не получится. Оставалось лишь не давать ему влиять на меня.

— Так вот, бедный Антон пишет, — полковник глубоко вдохнул, словно брал разгон перед стартом, и продолжил читать: — «Я неоднократно пытался убежать, стараясь не опозорить воинскую честь, но перелом ноги помешал в реализации этого плана. Меня удерживали взаперти на Топях, в старой хижине. На неоднократные предложения провести бандитов через наш блокпост я отвечал отказом, за что меня избивали и не давали еды».

Я вспомнил, как делился с Крысой последней банкой тушенки.

— «В дальнейшем, бросив бесполезную затею, бандиты по кличке Чес и Дельный завербовали младшего сержанта Новикова».

Тут я внезапно осознал, что именно не так в этих тезисах. Читал их полковник по воспитательной части, губами узкими шевелил, рождались слова. Однако это были не слова Антона — он так складно не смог бы писать, так хорошо строить фразы. А полковник их произносил — и не было никакого диссонанса: легкие исковерканные штрихи, неправильно построенные предложения — таких ошибок столь грамотный офицер не допустил бы. Это было как маскировочный халат. Халтурка под солдатика. Нет, писал-то Крысеныш, но я был уверен, что писал он под диктовку.

— «В ходе ссоры на почве денег младший сержант по кличке Пробирка убил двоих бандитов». — Полковник щёлкнул пальцами. — Что, Новиков? Мечтаешь, что тебе за убийство бандитов орден положен? Так это еще надо

доказать, вдруг ты простых сталкеров завалил? А вот и он! «По стечению обстоятельств на хижину вышел сталкер по кличке Трофимыч. Младший сержант заключил с ним сделку: Новиков обеспечивает прохождение Границы через блокпост, за это получает артефакт».

«Глазастый. Как трястись от страха, ссать в штаны... Крыса ведь тогда чуть ли не терял сознание, а, оказываясь, заметил. Или это уже посоветовали? Артефакт, дорогой артефакт, подарок моего начальника спас мне здоровье. При обыске нашли его в кармане и теперь задают ненужные вопросы».

Полковник же продолжал:

— «Испытывая постоянные угрозы со стороны Новикова, я был вынужден выполнять приказы. Меня пытали, наступая на поломанную ногу».

— Тля, — не выдержал я. Выругался про себя: «Что же за напасть такая — беспросветная».

— Хочешь сделать признание? Нет? Тогда слушай дальше, — отвлекся на секунду от тезисов полковник. — «В ходе ссоры возле колхоза Новиков ударом в голову прикладом ружья нанес тяжелую травму сталкеру Трофимычу и кинул его для привлечения стаи собак. Он хотел застрелить меня. Лишь появление боевой группы с блокпоста спасло меня от расправы этого убийцы». Подытожим: три убийства, похищение сослуживца, попытка незаконного пересечения границы, получение взятки... Двадцать лет на нарах, Новиков, двадцать лет.

Полковник захихикал, потом хрюкнул, как свинья, и захохотал уже во весь голос. Мой мозг отказывался воспринимать происходящее: хохочущий полковник — это такое же безумие, как клоун с ножом в руках.

«Двадцать лет, — обреченно подумал я. — Если выйду, то буду уже стариком. Сорокалетним стариком. Черт!» Я почувствовал, как непроизвольно дергаются мышцы моего лица. Хотелось криво улыбнуться или заорать благим

матом. Нет, я понимал, что мне не с руки признаваться в убийстве урки. Поэтому моя версия выглядела как сказка для детей — без крови и насилия. Я надеялся на честное признание Крыса и помощь начмеда.

Да, я много размышлял, пока сидел в карцере. Про блокнот, в котором была записана очень важная информация. Про Крадуна, который оказался сталкером и который нашел что-то очень важное в секретной лаборатории. Начмед меня спровадил в Зону, дал противорадиационный артефакт, ружье и, главное, проводника. Сталкер Трофимыч отработал по полной. Не бросил меня гнить в Топях. Хотя опыт, который я получил, поработав отмычкой в бандитской группировке, накинул мне сразу несколько лет опыта. «Начмед, вот кто меня спасет».

Полковник Махлюков заметил мои переживания. Он аккуратно положил признание Крыса на стол между нами и сказал:

— Думаешь, ты кому-то нужен? Нет, поверь мне, кроме мамы с папой, всем на тебя плевать. Я попросил зайти твоего начальника, пусть ознакомится с документом.

Полковник встал, достал из кармана модный портсигар. Зажигалка, огонь, сигарета. Он откинулся на стуле, с видимым удовольствием втягивая в себя никотин.

Моя надежда на Сергея Петровича зиждилась на простой логике. То, что он сделал раньше для меня, было основой. А вот то, что меня не переводили из части, держали в местном карцере, и, скажу больше, расследование проводилось не военной прокуратурой, а полковником по воспитательной части... Обнадеживало. Я затаился в ожидании чуда. «Если правда будет на моей стороне, то я избегу зоны, настоящей зоны».

В комнату для допросов вошел начмед — в звании капитана медицинской службы. Сергей Петрович.

Я невольно сравнил полковника и капитана. Махлюков — среднего роста, холеный, с высоким лбом, с желтоватыми волосами — походил на хорька.

Капитан, как и я, — высокий, короткостриженный, с серыми глубоко посаженными глазами. Казалось, он всегда смотрит с подозрением.

Я вдруг испытал чувство дежавю, словно такое со мной уже случилось: начмед, непонятная ситуация, которая привела к походу на запрещенную территорию. Того похода мне хватило с лихвой. «Напомнить Сергею Петровичу про обещанную поляну?» От этой глупой мысли я взбодрился.

Офицеры разговаривали, не обращая на меня внимания, а я думал: «Списанная Пробирка... Нет, даже про себя не надо произносить эту кличку. Все, ее время кануло, и я, как змея, сменил шкуру».

— Пару слов скажу, — попросил начмед.

Полковник недовольно поморщился:

— Много просишь, капитан. Поверь, ты со мной не договоришься. Этого я посажу, даю слово офицера.

Начмед беспристрастно посмотрел на воспитателя. Полковник выкрутился:

— Сигареты возьму в кабинете. А вы, капитан, охраняйте преступника.

Махлюков вышел, хлопнув дверью.

Я весь напрягся, хотелось начать объяснять, доказывать, что я не виноват. Вернее, виноват, но не в том...

Сергей Петрович, глядя в зарешеченное окно, четко, но тихо произнес:

— Значит, ударом в голову прикладом ружья нанес тяжелую травму сталкеру Трофимычу и кинул его для привлечения стаи собак. За это я тебя упеку на нары, тварь неблагодарная.

Он ринулся к двери и вышел, чуть не сбив с ног полковника, который безбожно подслушивал.

2

Это было жестоко. Мои надежды не оправдались, мало того — ситуация усугубилась еще больше. Я сидел в карцере, на кровати со скрипящими пружинами. За забраным решетками окном наступал весенний вечер.

«Посадят. — Теперь меня начало трясти. Я сжал кулаки, мысли в голове крутились вихрем. — Нет, не высижу». Я вскочил и начал измерять шагами карцер: три, поворот и снова три, от глухой стены к ее сестре, а по бокам — отверстия к свободе — окно, как маленький дисплей, и металлическая дверь. Пытаясь успокоиться, я все ходил и ходил.

«Нет, начмед не поможет, — рассуждал я. — Все мои планы, расчёты рухнули после одной его фразы. А за ней стоит принятое решение. Насколько я знаю своего начальника, теперь уже бывшего, он точно не балабол. Я надеялся и на сволочь Крысу, которого таскал же через Границу! Прикрывал от собак! Да и на Болоте про него не забывал. Вот она, человеческая благодарность».

Раньше меня радовал факт, подмеченный полковником с умным лицом хорька, что расследование проводилось не в полном объёме, не выплескивалось из обнесенной серыми плитами части, не шли вонючие волны по всему военному округу. Я размышлял так: часть входит в состав международных подразделений, и поэтому «наши» стараются не поднимать шум. Позорить самих себя они стали бы только в крайних случаях: например, если информацию слили доброжелательные соседи.

По моему изложению истории выходило, что Крыса — дезертир: он пропал и находился на запретной территории больше трех дней. Я — успел: шесть дней по справке и еще один сверху — вроде тоже беглец, но вроде и прикрыт по липовой болячке от медицинского пункта.

Такие происшествия случались постоянно.

Но мои надежды, как зеркало, разбились на мелкие осколки об асфальт и еще потоптались по ним берцами. Мои спокойствие и напущенная самоуверенность, благодаря которой я до сих пор не свихнулся, испарились, как туман под лучами солнца.

«Убийство прикрывать не будут. Не того я уроню. В контрабанде не участвовал, личных связей в виде родственников-прокуроров не имею. А тут три убийства, три трупа.

Двадцать? Десять? Да без разницы, сколько лет. Много. Даже три года в тюрьме — это очень много».

От быстрого хождения по маленькому помещению закружилась голова. Я решил прилечь. Ребра заныли, настойчиво напоминая, что они еще не восстановились после четких ударов урки. Лечение переломов очень простое — тугое бинтование грудной клетки и покой. Покой мне не снился, только Болото: в кошмарном бреду, кровохлеб отрывал мне голову, или Чес, с перерезанным горлом, вгонял нож мне в сердце.

Лечатся такие психологические заскоки тоже легко — водкой.

Хороший метод лечения, но мне не давали водки. Не входила она в рацион солдатика под следствием. Да и без следствия тоже.

Скрипнули пружины. Я чуть ли не впервые подумал: «Может, не зря подкинули веревку. — И сам же усмехнулся: — Нет, этот путь не для меня. Судьба неисповедима. На Болоте много раз возникали тупиковые ситуации, из которых не было выхода. По крайней мере, так казалось. Лишь терпение и работа головой приносила вкусные плоды.

Что там Чес сказал перед смертью? Меня бы на зону.. Сбывается проклятье урки со стажем».

Я засмеялся — сначала тихо, а потом захохотал так, что спугнул птичек за окном. Они, недовольно чирикавая,

сорвались с крыши и полетели искать другое место. Подалше от сумасшедшего человека.

Повернулся, громко клацнув, ключ в замке.

Стол, вернее, легкая пародия на него, стоял напротив кровати, под стеной у двери. Залетевшие в камеру два бойца сразу заняли все свободное пространство — короткостриженные, с наглыми мордами. Два «деда».

— Ну чего, Пробирка, ты тут царьком устроился? — задал риторический вопрос боец среднего роста. Тот, что повыше, с родимым пятном на щеке, аккуратно прикрыл дверь и заорал:

— Встать, сука, когда я зашел!

Я видел их часто в курилке. Неразлучная парочка. Лысый и Пятно. Одни из тех немногих, что любят выступать по беспределу.

Я медленно поднялся. Даже Пятно оказался ниже меня. Мне совсем не хотелось лезть на рожон, но я понимал: или меня просто поколотят, или я попытаюсь дать отпор.

— Что, полкан вонючий прислал, вы и рады стараться? — спросил я наугад — и попал в десяточку.

— Да, гаденыш. Крысу чуть не завалил, так стал крутым? — Лысый стоял на месте, а вот Пятно забрел ему за спину. «Пора!» — решился я.

Помогло мне то, что я сам себя накрутил перед их визитом. Мозг помнил, как больно, когда бьешь сам, разбивая костяшки, и когда бьют тебя. Он сопротивлялся, намекал, что лучше договориться, выпросить...

Но я вспомнил Чеса. На одну секунду — и мне этого хватило.

Лысый успел вскинуть руку, прикрываясь от моего прямого удара, но мой крюк левой прошел, даже влетел, со свистом, смачно впечатываясь в скулу «деда». Он отлетел назад, сбивая своего дружбана.

Я заорал:

— Меня зовут Кузьма!